

Казнь Махамбета -12/ продолжение

Category: Kitapcy, Romanlar

написано kitapcy | 24 января, 2025

Казнь Махамбета -12/ продолжение История шестая

ЦЕНА ПОРАЖЕНИЯ

1837 г. ноября 17. – Рапорт подп. Геке оренбургскому военному губернатору о действиях карательных отрядов против Исатая Тайманова.

9 числа сего месяца я выступил из Ханской ставки с 40 казаками и 400 ордынцами для присоединения с идущим из Горской крепости отрядом. На втором переходе я получил известие о приближении этой команды, назначив направление, куда она должна идти, соединился с ней на следующий день при месте, называемом Мула (кладбище) сына Караул-Ходжи.

Здесь получил я через киргиз неблагоприятные известия, что будто бы отряд, выступивший из Кулагина и Зеленого под командой подп. Меркульева, был окружен киргизами в превосходных силах и принужден возвратиться к линии. Не давая полной веры сему рассказу, я, однако же, счел необходимым приказать, чтоб приготовленные два орудия были немедленно выдвинуты в степь, и, по прибытии их, намерен был, хотя с малыми силами, идти навстречу отряда Меркульева, коему назначено было ожидать меня на Тереклы-кум. Вслед за сим, находясь еще на том же месте, я был извещен, что отряд Меркульева находится только в 35 верстах от меня. Я немедленно распорядился, чтобы его придвинуть; к вечеру оба отряда соединились.

По благоприятнейшему стечению обстоятельств в тот самый день, 12 числа, когда посланы были приказания прислать артиллерию, прискакавший киргизец известил, что верстах в 25 виднеется русская команда и что везут пушки. Я послал 50 казаков и 100

ногайцев им навстречу, и к ночи 12 числа весь отряд благополучно соединился в одно место.

13 числа мы выступили, направив путь на Тереклы-кум, и, сделавши верст 30, остановились для ночлега; аул Исатая Тайманова отсюда перекочевал уже прежде и находился на Бекетае, верстах в 50.

14 числа рано утром отряд выступил из Тереклы-кум и направил путь через Джаман-кум (25 верст) на Бекетай, куда прибыл в 6 часов вечера, сделавши 50 верст.

Здесь полагали расположиться ночлегом. На пространстве между Джаман-кумом и Бекетаем виден был вдали, во время марша, пожар, произведенный Исатаем, который, откочевав, зажег сено, тут находящееся. На сем же расстоянии виднелись малые отряды киргиз, наблюдавшие следование отряда. Я послал вперед, верст на 6, двухсотную команду с есаулом Егановым и партию из киргиз, при отряде находящихся; но они не успели достичь противников, а только захватили 4 человека, которые, будучи изранены, должны были сдаться. От пленных, сих узнали, что виднеющийся пожар есть место, где был аул Исатая, который откочевал из Бекетая и хотел остановиться в Тас-Тубе, в 25 верстах от Бекетая. Этим известием я переменял намерение ночевать в Бекетае и, дав отдохнуть людям, покормив хорошо лошадей, выступил в поход во 2 часу ночи.

С рассветом 15 числа мы приблизились к Тас-Тубе и намеревались сделать привал, чтобы дать время обогреться людям, озябшим в холодную ночь; но верстах в четырех завиднелись несколько партий киргиз в большом числе. Отряд двинулся немедленно вперед и приблизился к месту, где стояла собравшаяся на высоте шайка Исатая, примерно человек 500 из отборных его приверженцев. Они отнюдь не показывали вида, что намерены бежать, а, напротив, наездники и батыры их выехали и гарцовали перед отрядом. Тут и думать было невозможно действовать на сих мятежников убеждениями, и потому я приказал отряду выстроиться и, заслонив сначала орудия прикрытием, поставил их на возвышенность, с приказанием, чтобы после первого выстрела две сотни ударили в атаку.

Мятежники сами начали действие несколькими ружейными

выстрелами на наших; делать было нечего, я приказал выстрелить из одного орудия ядром; видя, что вреда им не причинено, они сами бросились на нас в то время, как казаки пошли в атаку. Превосходство их отборных лошадей, умение владеть пикой, в особенности торопливость наших казаков, которые, по желанию сблизиться с мятежниками, не могли быть удержаны офицерами, и все бросились в беспорядке в атаку, сначала произвело расстройство между нашими. Воспользовавшись удобной минутой и подвинув орудия, из одного ударили по близкому расстоянию картечью и вслед за тем дали другой картечный выстрел; среди мятежников сделался беспорядок; казаки ударили в атаку и повернули противников, которых преследовали на расстоянии 7 верст, после чего отряд остановился. Хотя отчаянная шайка Исатая разбрелась, но никто из главных лиц не мог быть схвачен; сам Исатай, будучи преследуем и близок попасть в наши руки, успел на скаку пересест на другую лошадь и скрылся. По телам, оставшимся на дороге, полагать должно, что мятежников убито от 50 до 60 человек во время преследования, в числе и сын Исатая, молодой человек лет 20, а несчастным случаем, как говорят, и жена его. С нашей стороны ранены 3 казака, двое легко, но третий казак, Бородин, ранен тяжело в спину пикой, железо вошло вершка на два, а древко переломилось; он остался на месте, но когда отряд остановился, я послал за ним команду и его перевезли на повозке; бедняк очень страдает, но ему помогло киргизское врачевание; надеяться можно, что он останется в живых. После разбития Исатая захвачено множество из ограбленного им скота и несколько семейств, не успевших спастись; семейство самого Исатая, как говорят, спаслось заблаговременно. Киргизцы рассказывают, что в числе убитых находится бывший старшина Калдубай, но этот слух неверный. Из точного и справедливого описания происшествия Ваше пр-во усмотреть изволите, каким отчаянием руководима шайка Исатая, ибо утверждают, что это беспримерно, чтобы ордынцы отважились броситься на орудие; полагать должно, что чувствуя безнадежное свое положение, они захотели защитить себя и свои семейства до крайности.

Остановившись в 7 верстах от места, где началось действие,

отряд и теперь здесь находится; во-первых, необходимо дать отдохнуть казачьим лошадям, изнуренным сильными переходами и преследованием, а во-вторых, нужно получить верные сведения о месте, куда взял направление Исатай, и о намерениях его. Некоторые сведения уже имеются, но они еще недостаточны.

Вчера завиднелись издали несколько человек киргиз, полагая, что это провожатые кочевья, а может и часть шайки, я послал 200 казаков и 100 ордынцев, чтобы стараться захватить аул, со строжайшим предписанием не делать им вреда, если не будет сопротивления. Прошедши верст 12, команда увидела только человек до 40, которые при появлении ее ускакали, и возвратилась к отряду. Приверженные хану киргизы, посланные со мной, так напуганы исатаевой шайкой, что одни отнюдь не отваживаются идти вдаль без казаков и потому присутствие их здесь я считаю нужным более для морального влияния на прочих ордынцев. При сем я долгом себе поставлю засвидетельствовать пред Вашим пр-вом об усердии, с которым действует состоящий при мне султан Чингалий Урманов. Ему я весьма обязан добрыми советами и опытностью, он мне много помогает, а строгим надзором за киргизами успевает сохранить несколько порядок в беспорядочной толпе, находящейся при отряде, ибо султан Чука, с доброй волей, не в силах с ними справиться.

Хотя действие 15 числа против Тайманова не совершенно успешно, ибо не удалось его захватить самого, но оно бесспорно будет иметь важные последствия сильным впечатлением на мятежные умы киргиз Внутренней орды. Теперь он, вероятно, не найдет средств к умножению своей шайки и должен будет оставаться при непосредственных своих приближенных, число коих, полагать можно, до 300 человек. Ныне необходимо усугубить меры предосторожности на линии, ибо непременное намерение его есть прорваться на ту сторону и, вероятно, не один. Я сего дня же пишу о том начальнику Нижней дистанции.

Отряд кулагинский уже несколько дней без хлеба и довольствуется одним мясом. Я посылал во все направления, чтобы отыскать транспорт с провиантом, вышедший из Кулагина 10 числа, наконец, вчера получил сведения, что он направил путь на Айгур-кум, послал за ним и ожидаю его прибытия к вечеру или

в ночь. Главные трудности этого похода суть неизвестность местностей, расстояний, глубокие пески, сугробы и удобность, представляющаяся мятежникам в них скрыться от взора и преследования. Погода до сих пор сносна, снегу нет, но сильные морозы при северном ветре.

Меры приняты, чтобы постараться пригласить сюда кого-либо из почетнейших киргиз, через них только можно будет уговорить прочих возвратиться к порядку, ибо гнаться невозможно за всеми ныне рассеянными их партиями. А потому желательно весьма захватить самого предводителя, с ним окончатся, надеюсь, все беспокойствия.

Представляю при сем полученный мной рапорт подп. Меркульева, а о дальнейших действиях своих буду иметь честь в свое время донести вашему пр-ву.

Сейчас, до отправления этой бумаги, прибыл ожидаемый из Кулагина транспорт с десятидневным продовольствием для отряда, он находится под прикрытием 60 человек при офицере.

Местность, где теперь находится отряд, называется ур. Кускулак, в 8 верстах от Тастубы, где рассеяна шайка Исетая. Это урочище – в 120 верстах от линии по прямому направлению к Кулагину и в 70 верстах от Глиняного форпоста. Исатай, как говорят, находится теперь в Джуван-Тубя, ближе к Уралу. Я дождусь возвращения посылаемой в сию ночь партии за 25 верст по другому направлению, где замечено также скопище людей, а потом пойду на Джуван-Тубу, если не получу противных известий об Исатае.

Я пишу сегодня к начальнику нижней линии отношение, с коего, вероятно, Вашему пр-ву представится копия.

Подп. Геке.

При урочище Кускулак, в 8 верстах от Тастубы.

Резолюция оренбургского губернатора:

«Уведомить г-на Покотилова, что отсюда послан в Уральск фельдшер Истомин, которого следует без потери времени доставить в отряд подп. Геке. Уведомить об этом подп. Геке. Предписать подп. Геке принять меры к сбережению скота и имущества, отбиваемых у Тайманова и его сообщников; скот этот

необходим для удовлетворения многочисленных претензий пострадавших от шайки Тайманова и возврата казенных издержек. Предписать ему также строго наблюдать, чтобы казаки, в отряде его находящиеся, не грабили, и киргизы не удовлетворяли бы себя самопроизвольно. Еще предписать, чтобы всех сообщников Тайманова, по разогнании шайки, обезоружить, отобрав у них как огнестрельное оружие, так равно и сабли и пики. 25 ноября».

ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 1963, лл. 299-303 об.

+ + +

*Мы, собравши свою рать,
вышли, чтобы воевать.
Я свой стан разбил, устав,
в бекетаевских песках.
Прежде, чем врубиться в бой,
прореву клич родовой:
«Агатай-Берш!» мой уран,
он и смерч, и ураган!
На подмогу нам Жунус
байбактинский дал улус.
Хан взмолился от испуга,
как последний жалкий трус.
Появилась вражья рать,
кто в ней – можно разобрать.
Исатай, наш вождь, ведущий,
я же – вслед за ним идущий.
Исатай сидит в седле,
шлем его на голове,
он не может спрятать гнев,
свирепеет, словно лев.
А под ним конь Актабан,
бьет копытами, как лань.
Словно овцы и ягнята,
голосят бойцы отряда.
К бекетаевским пескам,
к дому-срубу прискавав,*

подросла к нам подмога,
сил немало в ней, премного.
Мы готовились всю ночь,
до утра копили мощь.
Как заря зарделась вдруг,
осмотрелись мы вокруг:
будто звездная плеяда,
окружал нас неприятель.
Поливать он стал свинцом,
залпы, будто бы буран,
повернувшись к нам лицом,
Нас, противник, взяв на мушку,
дал три выстрела из пушки,
а когда раздался взрыв, –
ускакал батыр в отрыв.
Надо было отступать:
поредела резко рать,
пали львы-богатыри,
Калдыбай и Ерсары.
Словно чибис, сирой птицей
с горем нам пришлось сродниться.
Проклял нас небесный свод
и людской бездушный род.
...Плачьте вдовы,
плачьте вдоволь,
плачь, несчастный мой народ,
слёзы смешивая с кровью,
утешай своих сирот...

Махамбет Утемисулы – «Битва»

+ + +

– Дорого! За такую цену – не возьму! – Исатай услышал, как Сулеймен, младший из братьев Махамбета, недавно примкнувший к повстанцам, и сразу занявшийся вопросами фуража, торгуется с

табунщиком-жилкыши.

Тот привел на продажу армии бунтовщиков небольшой табун кормовых лошадей: предстоял согым – забой и заготовка мяса на зиму, и этот, первый из табунщиков, что привел скот в лагерь бунтовщиков, несмотря на строгий запрет хана и его людей, не должен был уйти с пустыми руками. Сулеймен же прижимист, торгуется за каждую копейку из его, Исатая, казны, радеет, значит, будто за свое добро, но не время сейчас мелочится, и потому надобно вмешаться!

Откинув полог юрты, вождь беришей вышел на необычайно морозный для середины ноября в степи воздух, встал за спиной табунщика-жилкыши, молча, значительно посмотрел на Сулеймена. После неудачной схватки у Тас Тобе, где погибли младшая жена и один из сыновей Исатая, суровый военачальник стал, казалось, еще жестче, еще молчаливее прежнего, и только глаза его теперь горели ярче – черным, гневным огнем, каким могут гореть глаза только у такого отца, который пережил своего сына, но не сломался, и выковал из своей боли оружие. Смертельно опасное – как для чужих, так и для своих, ежели таковые в чем станут перечить его воле. Совсем не похожий на Махамбета, высокий и гибкий Сулеймен отличался, однако, таким же пронизательным умом, как и его ученый брат-крепыш, и без слов понял, чего хочет предводитель восстания. Вновь заговорил, обращаясь к пастуху-жилкышы:

– Передумал я. Как подумал, сколько ты труда потратил, через какие опасности прошел, чтобы этот табун к нам пригнать, решил – нельзя Аллаха гневить, несправедливость творить, нашему хану в этом уподобляясь! Ты не в аул к Карауылкоже пришел, не в ставку к Жангир-хану! Ты привел свой скот к Исатаю, сыну Таймана, а значит, получишь полную цену! И благодари за это не меня!.. – Сулеймен остановил табунщика, радостно бросившегося в ноги фуражиру повстанцев, взял за плечи, развернул лицом к Исатаю. – Его благодари! За тебя, за таких как ты он поднял степь против своего хана! Вот, деньги твои, бери, и всем, кого встретишь, расскажи о справедливости Исатая!

Жылкыши рванулся было в сторону вождя восставшей степи, но остановился, словно столкнувшись с невидимой стеной – такая строгая власть исходила от этой высокой фигуры, облаченной в доспехи, и такая сила была во взгляде черных, вытянутых к вискам, глаз, что шаруа смутился, прижал правую руку к сердцу, поклонился и бормоча что-то благодарственное, поспешил убратъся прочь, придерживая кошель, чтобы монеты не звенели так громко.

Сулеймен приблизился к Исатаю, посмотрел снизу вверх, но без малейшего подобострастия, в глаза предводителю:

– Если и дальше будем такие щедрые, все твои деньги кончатся, агай!

Исатай лишь кивнул в ответ, повернулся, вошел обратно в шатер. Но настойчивый фуражир и не думал сдаваться – брат буяна и бунтаря Махамбета, он за свою пусть недолгую, но такую насыщенную жизнь навидался и властных, и сильных людей, и волшебство их характеров. Мощь их личностей, так воздействующая на всех прочих, на Сулеймена, сына Утемиса, похоже, не действовала вовсе. Вот и сейчас, отодвинул рукою полог, бесцеремонно вошел вслед за вождем восставшей степи в его юрту, и продолжал, как ни в чем, ни бывало:

– Высоко стала нам цена поражения при Тас Тобе, Исатай, очень высоко! Твоя казна пустеет, а союзники деньгами поддержать не спешат, да и прочая их помощь только на словах, даже обещанного скота на согым не прислал еще никто! Чем жигитов кормить будем этой зимой? Своих стад и табунов у нас, почитай, уже не осталось, все на прокорм войска уходит. Да и аулы, что прибились к нам, отказавшись платить новые подати Карауылкожи, объедают, ничего у них своего нет...

– Потому и пришли они к нам, под нашу защиту, что все у них отнял хан Жангир-Керей! Сами пришли, сыновей своих в наши ряды привели! У Тас Тобе мы проиграли, потому что мало нас было. Орысы и сейчас думают, что нас мало, не знают, не ведают, что

со всей степи к нам шаруа стекаются, словно ерики Орала в весеннюю пору. В этом наше преимущество, которое снизит цену нашему поражению, чтобы привести к новой победе. Так что сохранить людей сейчас для нас важнее всего! – наконец, заговорил Исатай. Раздражение было заметно в его голосе, потому что прав был назначенный ответственным по фуражу Сулеймен Утемисулы, и подготовка к предстоящей зиме шла из рук вон плохо. К повстанцам и в самом деле присоединялась самая беднота, лишившаяся от новых ханских поборов последнего добра своего, и потому пришедшая к Исатаю лишь со злом и ненавистью, которые тот пока что неплохо смог использовать в схватках против ханских сил, но вот в повседневной жизни что от злости, что от ненависти, толку мало. На каждый же день битвы – месяц мирной жизни приходится, и в мире этом пока что нет ни желающих торговать с повстанцами, ни помочь чем-то более существенным, чем обещания. Что-ж, значит, надо созывать совет...

– Все уже пришли в юрту моего брата, агай, ты сам велел совет там собрать. – будто прочитав мысли Исатая, подал голос Сулеймен. – Все ждут тебя... все, кроме самого Махамбета. Он еще не вернулся, хотя и обещался быть сегодня. Может, до заката успеет...

– Нет времени ждать. Он поехал уговаривать поделиться с нами скотом аульских старшин тех кочевий, что еще не решили, поддержать ли им нас, или встать на сторону хана. В прошлом месяце наши жигиты спасли некоторые аулы от набегов казачьих барымтачей, Махамбет теперь надеется на их благодарность. Может, и не зря...

– Может, – согласно кивнул Сулеймен. – Однако, надежду в казан не бросишь, и сурпу из нее не сваришь, и пускай мой брат своей надеждой кормится, а тебе здесь людей накормить надобно. Здесь и сейчас. И если ты разрешишь мне наведаться в те же аулы, но только в сопровождении сотни твоих вооруженных жигитов...

– Опять ты за старое! – поморщился Исатай. – Что ты, что

прочие мои сотники, все кричат: давай скот у врагов отнимать! А чем мы тогда лучше хана да Карауылкожи будем? Потому и велел я казнить тех, кто против слова моего на стада и табуны, идущие на зимовку, нападал. Оправдывались – мол, у хана отнимаем, а что на деле вышло? Что скот тот был не ханский, и целых три рода пошли за защитой к полковнику Геке. Между прочим, от нас защиту просили! Будем и дальше так себя вести – отвернется от нас степь, люди отвернутся...

– От доброго, но бедного Исатая отвернутся быстрее, чем от жестокого, но хлебосольного! Впрочем, ты наш басшы, тебе и решение принимать! – примирительно сказал Сулеймен, помогая Исатаю накинуть плащ из волчьих шкур, и вышел вслед за ним на морозный воздух, где продолжил говорить, выпуская клубы пара изо рта, будто только что нахлебался горячей сурпы. – Тринадцать сотников ждут тебя, Исатай, и каждый верит, что ты найдешь выход, привыкли они тебе верить, и сейчас поверят, ты, главное, сам в себя верь...

– Вот в этом вы, дети Утемиса, воистину одинаковы – умеете веру в себя придать, но до того вмажете, впечатаете в самую землю каблуком, заставите почувствовать себя слабым, а потом – давай, агай, будь сильным, мы в тебя верим! – скривился Исатай, подходя к юрте Махамбета, где собрались военачальники восьми сотен армии восставших, сумевших за какой-то год навоевать больше, чем иная армия из тысяч туменов.

Вот он вошел, и оглядел их: восемь батыров, жир земли степной, порой излишне хитрые, и даже иногда жадные, не всегда меж собой дружные, но в смелости, отчаянной отваге и верности их сомневаться не приходилось. Многие из них не одним сражением, не одной стычкой с врагом проверены, а потому и следует держать с ними совет, хоть все едино – решение ему одному принимать, и ответственность на нем одном будет, на Исатае, сыне Таймана, ставшим ныне предателем и бунтовщиком, поднявшим степь против своего законного правителя, потомка великого Шынгыс-хана, наследника крови торе, по праву вознесенного на белую ханскую кошму.

Сотники, о чем-то отчаянно спорившие, при виде Исатая замолкли в миг, уважительно склонили головы, и будто стесняясь того гама, что сами же устроили, теперь хмуро поглядывали друг на друга, будто каждый обвинял другого в неподобающем поведении.

– Ассалам уалейкум, достар, о чем спорим, будто овцу не поделили? – с наигранной, совершенно неожиданной для него, нынешнего, шутливостью, спросил Исатай.

«Да, не умеет наш вождь шутить, совсем не его это!» – подумал Сулеймен, однако благоразумно промолчал. Зато не смолчал Тогызбай, батыр сильный, приведший с собой полсотни жигитов, но к восстанию присоединившийся совсем недавно, и успевший, если ему верить, уже сразиться с войсками Жангир-хана, хотя никто, кроме него самого, о той битве и не слыхивал. Впрочем, это не помешало ему потребовать равного участия в доле при дележе будущей добычи, а уж когда Исатай запретил отнимать у побежденных их скот, и вовсе возмутился. Жаден был девятый сын бая из рода кызылкуртов, уродившийся хоть и сильным телом, но слабым на желания. Вот и сейчас, открывал рот кайсак, а говорила за него – его жадность:

– Была бы овца, может, и спора бы не было, Исатай ага! От того и спорим, что нет у нас ни овец, ни коров, ни табунов, чтобы согым как следует подготовить, к зиме запастись...

– Это у тебя-то нету? – возмутился Берик, сын Курмана, из рода Себек-Берш. Берик тоже был из богатого рода, однако один из немногих весь свой скот отдал на прокорм армии, и теперь был не богаче простого степняка-шаруа. Однако почетом пользовался неизменным, потому как ратную службу нес с Исатаем еще до восстания, во времена, когда единственными врагами для них были казаки-разбойники, а единственным правителем – единый хан Бокеевской Орды. Берик не любил Тогызбая, и уже не первый раз схлестывался с ним в жестоком споре. – У тебя за холмами табун в четыреста голов стоит, стадо овец, у ханских чабанов угнанное, в тысячу голов, пасется, а ты про голод кричать взялся, мол, нечего зимой нам есть будет...

– Мой табун! Мои овцы! Мои жигиты угнали, значит – мое! – лицо Тогызбая аж покраснелось от напряжения и злости. – Я на твоих овец, на твоих коней не заглядываюсь, так и ты на моих не смотри!

– А когда мой скот на общий дастархан резали, не ты ли, Тогызбай, за обе щеки уплетал да расхваливал мой беспармак? – в запальчивости крикнул Бекрик, и тут же пожалел об этом.

Тогызбай широко раскинул руки, словно призывая в свидетели случившегося святотатства всех присутствующих:

– Курметти агайын, уважаемые, вы это слышали? С каких пор казах казаха мясом со своего дастархана попрекает? И что можно сказать о человеке, который осмеливается так нарушить самые священные обычаи наших предков? А не за эти ли обычаи мы с вами сражаемся, и проливаем свою кровь?..

Хитер Тогызбай, ничего ему не возразишь на такое! Берик, сын Курмана, в ярости сжимает кулаки, но голова опущена, взгляд от стыда уперся в землю, и только зубы скрипят в бессильной ярости за то, что вот так вот, сам не понял как, а оказался он самым неправым в споре с жадным и хитрым Тогызбаем. Тот, довольный, улыбается, хитро прищурившись, смотрит на Берика, и все смотрят на Берика, тоже не знают, что и сказать на такой оборот дела. И только Исатай смотрит на Тогызбая, а Сулеймен – на самого Исатая, и словно слышит мысли вождя бунтарей, старого солдата, ненавидящего несправедливость всем своим сердцем. Ведь это он, Исатай, принял Тогызбая с его сарбазами, разрешил встать в свои ряды, дал место в совете, и сейчас стал свидетелем того, как кызылкурт унижает старого друга.

– Откуда у тебя скот, Тогызбай? – тихо спрашивает Исатай, и все головы поворачиваются к нему. И только Тогызбай, прищурившись и улыбаясь, не отрывает взгляда от Берика, делает вид, будто не слышит вопроса. Исатай повторяет:

– Где ты взял скот, Тогызбай? Я в третий раз спрашивать не буду, – по голосу предводителя понимает Тогызбай, что смолчать

не получится.

Медленно сползает улыбка с его лица. Медленно поворачивается голова на толстой, будто бычьей, шее, красной и всегда потной, заросшей рыжим волосом, выглядывающим из многочисленных жировых складок. И видят все, что боится Тогызбай. И не зря, ох не зря, дрожит сейчас его голос!

– Скот этот я в честном бою отбил у чабанов ханских. Троих человек потерял в схватке, а потому часть этой добычи даже не мне, но семьям умерших жигитов принадлежит, агай!..

– А еще пятерых потеряла сотня Берика, когда прикрывала не отступление даже, но настоящее бегство твоих жигитов от преследовавших их людей хана, – вдруг подал голос Сулеймен, с самого своего появления здесь заведший полезную привычку собирать все слухи, вслушиваться во все разговоры, и потому знавший о делах в лагере повстанцев больше, чем сами предводители восстания. Впрочем, делу этому он сам решил посвятить себя, и не только потому, что любимый брат Махамбет примкнул к восставшим. Сулеймен, сын Утемиса, верил в это восстание. Он верил в свою Степь. И, в отличие от своего брата, не очень верил в бога татарских муфтиев.

– Ты... ты мне веришь, Исатай ага? Мудрейший и сильнейший среди батыров младшего жуза – веришь ли ты мне? – Тогыз бай вдруг, изменившись в лице и в голосе, заговорил зычно, громко, будто не в юрте, но перед площадью-аланом речь держал. – Поверишь ли ты в мою честность, и в мое желание поделиться своей добычей, но не с одним Бериком, нет?! Я держал этот скот для тебя, мой вождь, я хотел, собирался передать его тебе весь, целиком...

– Это хорошо! – кивнул Исатай. И повернулся к Сулеймену. – Скот весь у Тогызбая опишешь, приведешь в нашу стоянку. Забирать поедешь сегодня же, возьмешь с собой сотню из моих ардагеров, проверенных старых бойцов, и если кто из жигитов Тогызбая возражать осмелится – урок преподашь. До крови, но не до смерти!

– Сделаем, агай! – в ответ склонил голову Сулеймен, и добавил:

– Прямо сейчас? Или всё-таки после совещания?

– После. – зло усмехнулся Исатай. И уже совершенно серьезно продолжил: – Но сегодня. До заката. А сейчас хочу выслушать, что мои сарбазы мне предложить хотят, какие мысли есть у вас, как помочь нашему делу, как зиму пережить...

– Могу сказать, агай? – выступил вперед Берик.

– Говори, – махнул рукой в латной перчатке Исатай, будто в сражение отправляя своего верного ардагера. А Берик и впрямь настроен был воинственно.

– Зима голодная будет, знаем. Нет и не будет у нас достаточно скота, чтобы хорошо эту зиму пережить – тоже знаем. Значит, придется отбирать скот у кого-то...

– Правильно говорит храбрый Берик, верно говорит! – вмешался молчавший после Исатаева решения Тогызбай. Снова улыбался он во всю ширь своего плоского, лоснящегося от жира лица, будто это не у него решил вождь восставших всю добычу отнять. И говорил вновь с присущей ему уверенностью и так громко, словно хотел, чтобы слова его услышали и за пределами юрты. – Отбирать, агай, у всех, кто верен хану, кто не присоединился к тебе – отнимать, а кто противиться будет – наказывать, да не как моих жигитов, до первой крови, а смертным наказанием, чтобы знала степь, с кем она, чтобы определились со своей стороной в этой войне!..

– Не то говоришь, Тогызбай! – поморщился Берик. – Не гоже это, у своих степняков последнее отнимать. Многие ведь хана просто боятся, а иные из уважения к крови его, к роду торе, что единственные по праву рождения ханами над степью стать могут, не восстают, терпят. Но и в нас врагов не видят. Потому ни за них, ни за нас кровь не льют, но и вражды у них с нами нет. А если мы всех, кто не с нами, грабить начнем, это что же будет? Ради чего мы тогда о кровном братстве своем вспоминаем, если сами братьев своих кровного их добра, последнего имущества

лишить готовы? Вся степь против нас будет, никакой поддержки никогда не получим! Нет, Исатай ага, не то хотел я предложить. Нельзя нам больше у казахов добычу промышлять.

Исатай нахмурился:

– Не понимаю я тебя, Берик! Сам говоришь, что где-то добычу брать надо, что не протянем без этого, и сам же против своих слов идешь...

– Не против слов своих, агай! – замотал головой Берик, и густые, рыжие волосы его, выбивающиеся из-под шапки волчьего меха, будто засветились темным золотом в скудном свете тусклого зимнего неба, с трудом проникающего через отверстие в шаныраке в юрту. – Не против слов, но против того, чтобы свой же народ против себя обернуть! Слова же мои о другом. Не у степняков надобно нам добычу пытаться, а у тех, на ком власть врага нашего держится. На казачьи станицы, на поселения надо нападать, на гарнизоны орысов, на обозы с продовольствием, что из Астрахани и Оренбурга в Уральск и Гурьев идут. Там добычи много больше будет, и с настоящим врагом наконец схватимся, с давним врагом, что под пятой нас держит!

Тишина воцарилась в юрте после этих слов кызылкурта Берика, отчаянного степного воина, за свою недолгую жизнь успевшего побывать в кровавых схватках и с казаками, и с ханскими сарбазами. Многие из присутствующих на этом собрании-мажилисе имели такой же опыт, но вот так, чтобы вступать в открытое противостояние с гарнизонами империи, чтобы нападать на обозы государевы – такого еще не было в истории Бокеевской Орды – государства степняков, созданного и существующего не волею самих исконных хозяев Великой Степи, но милостью государя российского! И потому сказанное ныне Бериком прозвучало, как дерзновеннейший вызов тому укладу, в котором привычно было жить последний век потерявшим свое прежнее величие наследникам Золотой Орды.

Исатай застыл, будто в камень обратился. Озвучил Берик самые

потаенные его мысли, те, которые порой он от себя гнал, как страшнейшую ересь. Выступив против своего хана, он уже преступил через верность собственной клятве, принесенной в тот день когда Жангир-Керея возносили на белую кошму, доверяя главенство над жизнью и судьбой степного народа. Не приносил Исатай, сын Таймана, клятву верности императору российскому, не был опутан узами присяги чужому государю, по чьей воле земли предков его ныне заселили те, с кем ему привычно было воевать с самой юности. Казаки яицкие, поселившиеся меж Едилем и Жайыком, Волгой и Уралом, с самого появления своего в этих краях в степняках видели не людей, но тех, кого можно и должно грабить, убивать без жалости, словно бездушное зверье, и даже паче того, к зверю и рыбе относились с большим почтением, нежели к жизням киргиз-кайсаков. Не даром за-ради того, чтобы рыба красная икру метала без испугу, даже из епархии дозволение выхлопотали, на время нереста благовест колокольный отменить в тех церквях, что по берегам Урала поставлены, а кайсака стреляли без жалости за одну попытку только коня в реке напоить!

А солдат гарнизонный, и того пуще, ни казака-старовера, ни тем паче кайсака-басурманина, за человека не считал, но если случалась стычка промеж теми и другими, завсегда на сторону христианина стоять привычен был, потому как на казаках власть русская в степи держалась. Но в чем прав был Берик, так это в том, что власть эту орысы над степью получили лишь потому, что степняки сами промеж собой не в ладу были. И сейчас предлагал молодой сарбаз отказаться от стародавней привычки бить своих, потому как чужие уж давно не боятся, а начать бить чужаков, чтобы своих же родичей, кровь свою к себе возвернуть, на свою сторону привлечь, и под единым степным небом единым народом стать...

— ... Но такую силою нам никогда не стать, Исатай, даже не думай! — оторвал предводителя от его мыслей Отарбай, сын Рахымжана, второй после Махамбета акын в лагере повстанцев.

Хотя, если уж честным быть перед ликом Неба, акын этот больше

прославлял деяния самого Исатая, нежели был певцом восстания против хана, пытаясь стать тем, кто Исатаю был менее всего нынче нужен: придворным поэтом у бунтовщика. Пел он плохо, слова его были громкими, но звучали пусто, как и тогда, когда он служил своим небольшим талантом акына хану Жангир-Керею, и у которого впал в опалу за то, что посмел выступить с хулою ханских новшеств. В число участников постоянного мажилиса ближайших советников Исатая Отарбай был допущен в силу своего возраста, да того уважения, что питали к титулу поэта степняки по стародавним обычаям своим. И вот сейчас он первый, и судя по молчанию прочих, единственный, кто нашелся, чем ответить на дерзкое предложение Берика. Акын ханский – против воина-повстанца, придворный поэт против солдата-бунтовщика, он призвал себе в союзники самого стародавнего врага всяческой свободы – страх! И хоть говорил он смело, но каждое слово его было о страхе, и страхом порождалось.

– Каждый из нас по отдельности слаб, а уж с такими же слабаками, на чью поддержку Берик надеется, о чьем малочисленном добре заботится, если в один тумен собираться вздумаем, так только слабость на слабость приумножим, и еще слабее станем. Кассак милость не поймет, доброту твою, заботу – не поймет, слабостью посчитает, и правильно сделает. Разве Шынгыс-хан не жестокой силою объединил вокруг себя Великую Степь? Разве начал он с нападения на Империю Цинь, вместо того, чтобы жесткой рукою воина, под клинком своим, собрать свою Орду, и уже потом повести их на более сильного врага? А?

Отарбай оглядел собравшихся, пристально вглядываясь в глаза каждому из них, и все они, смущенные ученостью и велеречивостью старого придворного акына, только смущенно опускали глаза, и даже сам Берик, словно пристыженный, склонил буйную голову, и только тихо бормотал:

– Дурыс айтасын, верно, верно говоришь...

А поэт все продолжал, еще больше распаляясь:

– Ты, Исатай, вождь наш, ведущий от победы к победе, разве против русского государя поднял свой меч, чтобы теперь такого могущественного врага себе обрести там, где можно и нужно этого избежать? Разве есть в этом мудрость?

Отарбай приблизился к Исатаю, посмотрел ему в глаза, ткнул узловатым пальцем куда-то в небо:

– Я тебе сейчас скажу, в чем воистину есть мудрость! Когда ты на прошлой неделе отказал людям Кенесары, привезшим тебе его предложение союза и просьбу выступить совместно против Хивинского ханства – ты поступил мудро! И хан наш, Жангир-Керей, поступил мудро, отказав ему, и в этом оба вы показали, что являетесь нашими правителями, вождями степняков Малого Жуза, которым надоело извечно проливать кровь за неблагодарных своих братьев из жузов Среднего и Старшего. В этом ты стал равен самому хану Бокею, который своей мудростью получил дозволение на ханство от государя орысов, равен его сыну, а ведь они – торе, потомки и наследники Шынгыс-хана! Наша война, наш бой – не с властью, которая дана нашим правителям волей Кудай-Аллаха, и не нам, грешным рабам божьим, с волей этой спорить! Наш бой – с такими как Карауылкожа, жадными родичами и приближенными нашего хана, которые закрыли его мудрые глаза, опутали ложью и наветами, так, что он сошел с пути предков, отказал в своей милости и в своем дастархане своим самым преданным слугам, самым отважным сарбазам, самым лучшим акынам...

– Ну, хватит! – Исатай, будто облитый холодной водой, опомнился, и последние слова Отарбая, чуть ли не клявшегося в верности хану, с которым он воюет, здесь, в его шатре вождя повстанцев, привели его в чувство, и чувство это было не из приятных. – Ты это мне прекращай! Да, людям Кенесары я отказал, как мне Махамбет посоветовал. Потому что в этом ты прав – у нас своя война, за свою орду. Может, и вправду мудро поступал Бокей-хан, ведь только у нас из всего степного народа есть своя власть, своя Орда, нам есть за что сражаться, а прочие, даром, что считают себя старше нас, Старшими нам так и

не стали, и даже в свободе своей не равны нам ни в чем. Махамбет тогда письмо составил генерал-губернатору Перовскому, попросили мы его выслушать жалобы наши на деянья хана Жангира, встать на нашу защиту, а для переговоров обо всем просили назначить со стороны государя орысов хорошего знакомого Махамбетова – полковника Владимира Ивановича Даля...

– Тогда отчего же Геке со своим отрядом на нас напал, из пушек по нам стрелял? – перебил вождя отчаянный Берик.

Никогда раньше он так не делал, и никогда прежде не прошло бы ему это безнаказанно, но изменились времена, и сам Исатай ныне изменился. Казалось, огонь в глазах его вдруг потух, и из-под мертвой, холодной золы раздаётся глухой его голос:

– Татарский муфтий, приближенный к канцелярии генерал-губернатора, через Махамбета дал знать, что полковник Геке действовал сам, без приказа начальства. Говорил, Перовский его за такое самоуправство накажет непременно, нам только надо дожидаться, чтобы сочувствующий нам Владимир Иванович Даль из столицы вернулся, а там он уже обязательно поможет, и Махамбет в это верит. А я верю Махамбету! Так что ждем ответа, и если Небо будет на нашей стороне, и Перовский согласится разрешить наш спор с ханом Жангиром по справедливости, то не нужна нам будет эта война, и снова вернемся все к мирной жизни. Но пока ждем ответа от генерал-губернатора, должны мы крепко подготовиться к этой зиме. И уж никак не можем воевать с орысами, с казаками да гарнизонами! Так что думайте, откуда припас брать будем! И собирайте юрты – как вернется Махамбет, выходим отсюда, и идем к Эмбе. Там рыбы зимой в изобилии, не мясо, конечно, однако голода избежим, и полковник Геке со своими казаками нас там быстро не достанет. А потому ночью идем, тихо идем. Помним, что это не они, а мы нынче проиграли, и у каждого поражения – своя цена...

+ + +

Вот, вроде, полагается радоваться, а на сердце все равно

щемая пустота. И странное ощущение совершенной ошибки, как тогда, когда уходил, послушавшись, Наставника из Ак Медресе. Как и тогда, он не знал, но чувствовал, что обманывает тех, кто ему доверяет. А может, и пустое все это, может, сказывается раздражительность от всех этих разговоров про победы и поражения?

Только о них о говорили нынче в степи – об одной победе, и об одном поражении. Победе хана Кенесары при Акмоле, и поражении Исатая под Тас Тобе. И если ханом Кенесары восхищались за то, что осмелился бросить вызов аж самому царю ресейскому, то про Исатая только и было разговоров, что осмелился восстать он против своего хана, предал его, против своих же пошел. – Нет, не Исатай предал хана, но хан наш предал свой народ, свои обычаи и древние адаты-традиции! – убедительно и с жаром возражал Махамбет, собирая там и тут мажилисы старейшин кочевий, мелких биев и всех тех, кто еще сомневался в своем решении поддержать ли Исатая, или же встать на сторону хана Жангира.

Первый, вроде, действительно предал хана, законно воссевшего на белую кошму, по праву крови и наследия, однако правдой было и то, что нововведения ханские уж очень больно били по кочевому хозяйству, отбирая пастбища, налогами и поборами забирая порой последний скот у шаруа – степной бедноты, выживающей только благодаря своим малочисленным стадам и табунам. Именно на них рассчитывал Махамбет, от них надеялся – и получал поддержку, потому что сила была в голосе его, пламя убеждения пылало в словах бунтаря-поэта, стихи его разносились по скованной предзимними заморозками степи, словно весенние ветры, распаляя огонь возмущения несправедливостью в вольнолюбивых степняках.

Вот и сейчас – получилось, сумел убедить старейшин аж трех кочевий сразу присоединиться к Исатаю, выделить бойцов в помощь, и скот на согым, чтобы зиму пережить, и вроде бы должен быть доволен: не с пустыми руками возвращается в лагерь к названному старшему брату своему и вождю восстания, сорок

жигитов при оружии, пусть без стволов, но с добрыми клинками и на хороших конях, едут с ним, а сзади догоняют чабаны, сопровождающие медлительный скот – стадо овец в триста голов, да табун с полсотни кормовых лошадей! После поражения ни разу не удавалось заполучить одновременно столько помощи, и надо бы быть довольным, да беспокойно на сердце!

А может, все потому, что приходит запоздалое понимание ошибки? Может, надо было набраться смелости, пойти на союз с ханом Среднего жуза, поставить против одного торе – хана Жангира, другого носителя крови Шынгыс-хана, пусть еще не ступавшего на кошму белой верблюжьей шерсти, но разве это не поправимо?! Ведь тогда только одно оставалось бы Кенесары – двинуть свои силы на Запад, в Бокеевскую Орду, чтобы в честной схватке победить Жангир-Керея... Убить его! То, чего не смог, не захотел сделать Исатай! А ведь преступи он тогда этот глупый закон – «чингизида может убить только чингизид!» – эта война уже бы закончилась! И Фатима была бы свободна!..

Замотал головой Махамбет, прочь гоня подлые мысли, шакальи мысли..., мысли, что подспудно терзали его все то время, что прошло со дня, когда он увидел глаза татарской волшебницы, услышал ее смех. «Нет! – твердил он себе с таким же жаром, с каким выступал перед мажилисами. – Не ради страсти своей, но ради чести и справедливости восстал я против хана! И желание обладать женой хана не имеет власти надо мной, как нет надо мной власти ни у глаз ее, ни у смеха, которые я не могу забыть! Нет! Не...»

– Нет больше Шапраша, брат! Убили! – кричит молодой еще, но уже окривевший на один глаз степняк в изодранной абе. Запыхавшийся от бешеной скачки, на взмыленном, но очень хорошем коне, на каком впору не такому голодранцу, но иному баю ездить, он вытирает окровавленный лоб рукавом старого, рваного шапана, а из луки дорогого седла сзади торчит стрела, чудом не угодившая в спину... от кого же он убегал? И на кого кричит?

Махамбет направил коня в сторону окровавленного гостя, присмотревшись же, узнал в нем одного из коневодов-жылкыши, которым было поручено вести табун для Исатая. Трое братьев их, старший – этот кривой, другой совсем еще мальчишка, поэтому их и определили в пастухи, а среднего их отец, староста небольшого, небогатого кочевья, поручил встать под санжак Исатая с дедовским клинком. На него, на среднего брата своего и кричит теперь... Шапраш – так младшего брата звали, вспомнил Махамбет. Вспомнил и отца их, больше всех ратовавшего за поддержку восставших, помогавшего Махамбету убеждать прочих старейшин встать на сторону Исатая...

– Исатая люди это были, брат, говорю тебе! Мы за вами, на юг идем, а они с востока подошли, незаметно, налетели быстро, сразу убивать стали. Когда нападали, кричали: «Исатай! Тогызбай!» Тогызбай – это главный у них, сзади скакал, толстый такой... Я с коня упал, мертвым притворился, разговоры из слышал. Они всех наших перебили, брат наш первым погиб...

Замолчал кривой табунщик, из единственного глаза по растрескавшейся коже на лице темная влага течет, с грязью, пылью, кровью смешивается, каплет на взмыленную шею степного коня. Средний брат истуканом каменным застыл, только пальцы на рукояти дедовского меча сомкнулись, сжали, дрожат от напряжения, вот-вот выхватят старую сталь из старинных ножен – новую кровь пускать. Все сильнее смыкаются пальцы на рукояти меча, и только губы разомкнулись, наконец, чтобы прохрипеть:

– Ты... как выжил?

Будто извиняясь, что сам не погиб вместе с младшим братом, виноватым, тусклым голосом заговорил:

– Говорю же, как меня по голове стрела царапнула, наискось прошла, так я со своего коня и свалился, к земле прижался, мертвым прикинулся. Слышал, все, что они говорили, когда всех убили... Я же, почитай, у самых ног коня этого Тогызбая и оказался, он меня за мертвого принял, внимания не обращал... А

я... что я? Сам я Шапраша тело не видел, слышал, как один из грабителей предводителю своему, Тогызбаю, докладывать стал, что мол, всех убили, а тот в ответ довольный такой, вот, говорит, Исатай рад будет столько скота получить, поймет, кто для него на самом деле полезен, вернет свое уважение. Потом Тогызбай этот велел с добычей на юг, к лагерю Исатая идти, сарбаз ускакал, тут я с ножом на Тогызбая этого и метнулся, прямо с земли, один раз ударить успел, уж не знаю, убил ли, а только с коня свалил, вот, на его лошади к вам и доскакал... Погонялись они конечно за мной, не только из лука-садака, даже из ружей стреляли, да только куда им?! Хороший конь, вынес!.. – улыбка трогает губы человека, потерявшего брата, но что уж тут поделать, такие мы, степняки, когда речь идет о хорошем тулпаре-скакуне...

Раздается выстрел, и кривой табунщик медленно валится с богатого седла байского коня, которым он так недолго владел. На холме появляются один за другим преследователи – сарбазы из отряда Тогызбая, не оставившие преследование того, кто осмелился ткнуть ножом в тушу их предводителя. У одного из них в руке еще дымится ружье, но он уже спешит, торопится перезарядить, потому что летят на встречу ему сорок жигитов с ханжарами наголо, и впереди них – средний брат, и раздается еще один выстрел, и третий брат подает с коня мертвый, но мчатся в бой с людьми Исатая оставшиеся в живых, те, кто должны были стать им соратниками, но стали врагами кровными. Из-за цены одного поражения.

+ + +

Из частной беседы графа Петра Кирилловича Эссена с управляющим МИД графом Карлом Васильевичем Нессельроде на торжественном генерал-губернаторском приеме, состоявшемся по случаю расширения границ Петербургской Губернии:

– А вы, любезнейший, прежде чем делами по строительству доходных домов в Петербургской Губернии интересоваться, прекратили бы старика обижать!

– Помилуйте, Петр Кириллович! Да чем же я вас, ваше

сиятельство, отец родной, обидеть мог? Когда?

— А может, и не вы! А может, и не сами! Однако человечки ваши, что в вашем веденьи значатся, совсем стариковы желанья уважать перестали, не считаются, чин ни во что ставят, все границы перешли, молодежь!..

— Да кто таков?! Кто посмел? Вы мне только имярек шепните, Петр Кириллович, дорогой вы мой, мы его быстро к ранжиру призовем, из всех достойных присутствий выкинем, будет кайсацких верблюдов в Семиречье считать!

— Вот кайсацких-то нам и не надобно, дражайший мой Карл Васильевич! Ни верблюдов, ни коней, ни овец, и вообще не надобно нам, чтобы кто-то из ваших шибко прытких юнцов в дела кайсацкие нос совал, вы уж простите мне мою несдержанность! Народ степной иным миром живет, у них свои понятия, свой еsole, и вчерашним солдафонам в хрупкую, но верную стратегию подчинения степи имперскому скипетру со своею грубостью лезть не следует! А того паче нас, стариков, за дураков почитая, в письмах одно доносить, а на деле совсем иное вершить! Сие, дражайший мой, есть измена — не государю, но чину, уважению, а самое главное — той стратегии, которую люди умнее да поопытнее загодя, со всей причитающейся тонкостью в жизнь воплотили.

— Не о Перовском ли вы, душа моя?

— А о ком же еще, сударь мой любезный?! Этот ваш инженеру всерьез посчитал, что мне неведомо о его самоуправстве? А знаете ли вы, к чему оно способно привести? Понимаете ли вы в недальновидности своей, что перебрав с грубой силой способны только ухудшить положение, позволив степным народам обрести не вождя бунтарей, но мученика, святого, того, кто даже мертвый, будет способен противостоять нам самой идеей борьбы за некую видимость свободы от власти Империи?..

— Полно, полно вам, Петр Кириллович, брюзжать на молодость! Ну, переусердствовал в рвении своем, так за чем же дело стало? Одернем! Укажем на ошибки! Уволить, иль в какую опалу сослать не обещаю — сами знаете, Перовский у нас в государевых фаворитах, однако же окорот дать завсегда сможем...

— Вот и дайте, дайте окорот щенку, пускай своею Хивой

занимается, а в дела Бокеевской Орды, да со своим солдафонским рылом не лезет, не про него высокая политика!..

+ + +

Из записки К.В.Нессельрода генерал-губернатору Оренбурга, графу В.Перовскому:

«Старый брюзга в крайнем недовольстве пребывать изволит, что способно нежелательно отразиться на делах наших в Петербурге. Государь к нему прислушивается, и хоть о благоволении монарха нашего к Вам известно мне наилучшим образом, однако прошу Вас впредь воздержаться от всяческого рода военных интервенций в кайсацкие дела, пока Петр Кириллович по положенью своему и чину недовольствие свое в наше недовольствие не обратил. Держите меня в полнейшем ведении о делах в наших пограничных с Бокеевской Ордой краях, дабы я и впредь мог удержать вас от опрометчивых решений...»

1838 г. июня 26. – Письмо оренбургского военного губернатора В.Перовского управляющему МИД графу К.Нессельроде о руководителе восстания в Букеевском ханстве И.Тайманове.

Милостивый государь граф Карл Васильевич! Имею честь сообщить Вашему сиятельству следующие известия, полученные мною разными путями о здешних пограничных делах.

Кайсаки, прибывшие сюда из хивинских пределов, уверяют положительно, что персиане побили наголову войско хивинское около местечка или городка Джамии-Лангора. Хан выслал ныне против персиан еще 10 000, с коими пошел и сам мехтер. Хивинцы говорят, что этот мехтер назначен и послом в Россию для привоза сюда пленников наших и что отправление его последует по возвращении из этого похода. Хан собрал с каждого дома задержанных в России хивинцев по пяти золотых, на что и выкупаются повсюду русские пленники.

В степи зауральской, между подведомственными мне кайсаками, заметно, особенно на юге и на востоке, значительное брожение. Вероятно, я найдусь вынужденным действовать силою оружия, о чем и донес уже графу Александру Ивановичу. Собственно по делам здешнего управления нет ничего, что могло бы подать

повод к этим беспокойствам; но кайсаки сибирские, как, вероятно, уже Вам, милостивый государь, известно, произвели, особенно в Акмолинском округе, большие беспорядки, потом вовсе удалились из округов и, таким образом, распространили волнение и на Восточную часть киргизов оренбургских. С другой стороны, бежавший зимою из Внутренней орды возмутитель Исатай Тайманов соединился на р. Эмбе с беглым же султаном Каип Ишимовым, где собрали уже около себя до 2 000 человек, большею частью родов: адай, чиклы и табын, оттуда рассылают они возмутительные воззвания свои, рассылают подручников своих и успели склонить часть западных ордынцев ведомства правителя Баймохаммеда Айчувакова к неповиновению: одни откочевали, другие, еще колеблются. Но Ишимов и Тайманов в письменных воззваниях своих грозят затоптать копытами всех непокорных; кайсаки, по удалении из пределов наших, не надеясь защиты, повинуются и дело это может сделаться немаловажным.

Новых сведений относительно ожидаемых из Хивы пленников нет, слухи затихли, и это потому именно, что хана занимает теперь война с Персией и что сообщение с Хивою посредством кочующих там родов кайсацких прервано. Уже и по отношениям нашим к Хиве, бездействие с нашей стороны, при явном возмущении скопища ордынцев, было бы вредно; это легко могло бы снова подать хивинцам повод усомниться в силе и решимости нашей и дело по размену пленников могло бы опять затянуться.

Имея честь сообщить Вам, милостивый государь, неприятные сведения эти, мне остается только присовокупить, что я прибегну к оружию только в крайнем случае, хотя и теперь уже не предвижу, каким образом можно будет кончить дело это иначе. Прошу Ваше сиятельство принять уверение в отличном почтении моем и совершенной преданности.

В. Перовский.

АВПР, ф. Гл. архив, 1-9, д. 5, лл. 380-383.

+ + +

ПЕСНЬ ОБ ОРЫС-БАТЫРЕ И КАЙСАЦКИХ ПЛЕННИКАХ

**Пропетая старым шаманом в шатре Кенесары через месяц после
поражения войск Исатая при Тас Тобе**

Ай, Орыс-батыр, сильный множеством!
Что же ты, батыр, так рукою слаб?
Победил меня, не отвагой ратника –
на жигитов горстку ты пустил тумен.
Вот ведешь, Орыс, Кабланбая ты.
Не один ведешь – всемером, считай.
Затянул арканом руки пленнику,
окружил десятками удалых солдат...
За тобой стоят губернаторы,
Генералы все, с Императором.
Далеко стоят, не под пулями.
Кровь свою, батыр, ты за них пролил.
Только больше лил ты не кровь свою –
Кровь степняцкую, кровь казахскую.
Ты не званный гость, не желанный гость
В степь пришел с ружьем, машешь шашкою,
Пушкой бьешь меня, колешь пикою,
Называешь нас Степью дикою!
Победил ты нас слабой силою.
Там, под Тас-Тобе, победил меня.
Пушкой бил меня, сталью гнал меня.
Жизни ты лишил сильных истинно:
Калдыбай погиб, Ерсары – убит,
Жакия батыр, Исатая сын –
С Кабланбаем в плен угодили твой.
Молодым волкам умирать в бою
От руки врага – только счесть за честь.
Но... быть скованным? Но... быть поротым?
Что же ты, орыс, с нами делаешь?
Сотен пять таких, как и ты, солдат,
Слабых силою, сильных множеством,
Встали в строй рядком, взяли шомполы,
Да по раза три били пленников.
С Кабланбаем вы так не справились.

Всемером вели, обвязав его.
«Ах, какая глыба этот Кабланбай!» —
Так полковник твой про него сказал.
Твой полковник — смел, твой полковник — храбр!
В битву с нами он сам отправился.
Будто Исатай наш, что всегда в бою
Впереди своих на врага летит.
Геке звать его, он большой батыр,
Победил он нас, не поспоришь тут.
Только что же ты, победить сумев,
Так над пленником издеваешься?
Ты его — убей, ты его — казни!
Но не дай ему так унизиться!
Кровь врага пролей — слез пролить не смей!
Не позволь себе палачом прослыть!
После казни той, биты-пороты,
Между жизнью ли, перед смертью ли,
Вы погнали их в безвозвратный путь,
Да на каторгу, словно мало им.
Ау, орыс-батыр, слабый силою,
Победив меня — ты не Степь побил.
Много в Поле нас, мы бесчисленны,
Степью живы мы, ею вскормлены,
Молоком коня мы напоены,
Ветром северным дышим радостно,
Сердце волка в нас непокорное,
Не собаки мы, не прикормишь нас.
Ты потом, батыр, уж не спрашивай
Почему тебе тут не рады мы,
И по чьей вине, коль настанет срок,
Степь детей твоих прочь погонит вдруг.
Я — степной шаман, зрю в грядущее,
Вижу — будет день, сбросит Степь ярмо.
В небеса взлетят: золотой орёл,
бирюзовый стяг, солнце жёлтое!
Из твоих детей только тот родным
Будет для Степи, кто душой — казах!

А все прочие, сердцем ватные,
Рабством гордые, ложью хвалены,
Честь забывшие, силой слабые –
Всех прогонит Степь, вольных Родина!

(А.Улдуз, стилизация) Romanlar